

Глава I

ПРОРОЧЕСТВО

*Ни Тревлиново злато, ни поместья
Не перейдут к наследникам честь честью,
Пока не вырвет воля дерзновенна
Признание у Тревлинова тлена.*

— Уже в третий раз я застаю тебя в размышлениях над этим старинным стишком. В чем тайна его очарования, Ричард? Полагаю, дело не в поэтическом слоге?

Узкая ладонь легла на пожелтевшую от времени страницу фолианта, где на староанглийском языке как раз и были написаны строки, над которыми насмеялась молодая жена.

Ричард Тревлин поднял взгляд, улыбнулся и поспешно отложил книгу, явно смущенный, что его застали за подобным чтением. Взяв жену под руку, он повел ее к дивану, с которого она поднялась, уложил снова, укутал теплой шалью, сел подле и заговорил беззаботным тоном, хотя глаза выдавали тревогу:

— Любовь моя, эта книга хранит историю нашей семьи. Наш род насчитывает несколько веков, но древнее пророчество пока не сбылось, разве только насчет наследников сказано верно. Я — последний из Тревлинов, и стоит ли удивляться, что теперь, когда вот-вот ро-

дится мое дитя, все мои мысли — о будущем, все упования — на то, чтобы ничто не мешало моему наследнику править имением и распоряжаться капиталами.

— Твои бы слова да богу в уши, — откликнулась леди Тревлин и добавила, кивая на древнюю книгу: — Однажды я прочла хроники рода Тревлинов. Сколько романтики! Что за страсти и кошмары! Неужели все это правда, Ричард?

— Увы, милая, все так и было. Жестокость и буйство у нас в крови, лишь два последних поколения нашего рода не запятнаны этими пороками. А начало всему положил старый сэра Ральф, свирепый норманнский рыцарь. В приступе ярости он ударил стальной перчаткой от доспеха собственного сына, поскольку юноша не желал подчиниться отцовской воле, и удар оказался смертельным.

— Как же, помню. У сэра Ральфа осталась дочь Клотильда. В фамильном замке она выдержала осаду, а затем вышла замуж за своего кузена графа Хьюго. Твои предки — мужественные воины, и они мне по душе, даже несмотря на их безумства.

— Вышла замуж за кузена! В неразумной гордыне Тревлины сочетались браком с близкими родственниками, и вот результат — в семье стали рождаться слабоумные и сумасшедшие. Мой отец первым нарушил этот порочный закон, и я последовал отцовскому примеру — отыскал самый свежий, самый здоровый цветок и пересадил его на тревлиновскую истощенную почву.

— Надеюсь, благодарностью тебе будет пышное цветение. Я никогда не забуду, как ты забрал меня из бедности и сделал счастливейшей женой во всей Англии.

— А я всегда буду помнить, как ты, в восемнадцать лет, согласилась покинуть родные холмы и согреть своим присутствием полузаброшенный дом и его хозяина — меня, старика, — с чувством произнес муж.

— Не называй себя стариком, Ричард! Тебе всего сорок пять, и в целом Уорикшире не найти мужчины бодрее и красивее, чем ты. Впрочем, в последнее время тебя гложет какая-то забота... Откройся мне, позволь дать тебе совет или утешение.

— Пустяки, Алиса, я просто волнуюсь за тебя... В чем дело, Кингстон? — совсем другим тоном спросил Тревлин, ибо последняя фраза относилась к лакею. Улыбка растаяла, едва Тревлин взглянул на поданную ему визитную карточку; губы побелели и пересохли. — Визитер здесь?

— Да, сэр. В библиотеке, сэр.

— Сейчас приду.

Швырнув карточку в камин, Тревлин проследил, как она обращается в пепел, и произнес, пряча глаза от жены:

— Ко мне пришли по делу, любимая. Очень досадно оставлять тебя, но совсем скоро я вернусь. Приляг, отдохни, пока я буду занят.

Приласкав жену, Тревлин поспешил к двери. Однако на пути было зеркало, и оно-то его выдало, отразив крайне напряженное лицо. Алиса ничего не сказала, обуреваемая внутренней борьбой.

«Он скрывает от меня причину своей тревоги, но я имею право знать. Он простит меня — ведь я докажу, что следила за ним с самыми благими намерениями».

Рассуждая так, Алиса поднялась, бесшумно выскользнула в холл, юркнула в чуланчик и, прильнув к замочной скважине в узенькой двери, чуть улыбнулась своей выходке. До ее ушей донеслись голоса. Реплики мужа звучали чаще, чем реплики визитера, некое слово, произнесенное Ричардом Тревлином, словно сдунуло плутоватую улыбку Алисы. Молодая женщина вздрогнула, румянец сошел со щек. Она поникла и по телу пробежала дрожь, женщина стиснула зубы в по-

пытке унять сердцебиение. Вот уже и в губах ее не осталось ни кровинки, взгляд сделался полубезумным, а дыхание — поверхностным. В тщетной попытке овладеть собой Алиса осела прямо на пороге чуланчика, словно застигнутая самой смертью.

— Боже, смилуйся над нами! Вам дурно, миледи? — вскричала Эстер, горничная Алисы, когда получасом позднее ее госпожа, подобная призраку, вошла в спальню.

— У меня слабость и озноб. Помогите мне улечься в постель. Только не посылай за сэром Ричардом, незачем его беспокоить.

Леди Тревлин уронила голову на подушку, словно не имела ни намерения, ни надежды когда-либо подняться с постели. Эстер, востроглазая женщина средних лет, после единственного взгляда на измученную госпожу вышла из комнаты, бормоча:

— Э, нет, надобно сэру Ричарду доложить. Не к добру явился этот чернобородый; ох, не к добру!

На пороге библиотеки Эстер помедлила. Изнутри не доносилось голосов; сдавленный стон — вот все, что расслышала горничная. Она вошла не постучавшись, охваченная безотчетным страхом. Сэр Ричард сидел за письменным столом, держа в руке перо, но лица Эстер не видела, поскольку хозяин положил голову на руки, вся его поза говорила о том, что он в полном отчаянии.

— Сэр, миледи дурно. Послать за доктором, сэр?

Ответа не последовало. Эстер повторила свои слова, однако сэр Ричард не шелохнулся. Вне себя от испуга, Эстер приподняла голову своего господина, увидела, что он без сознания, и стала звонить в колокольчик, призывая домашних на помощь. Увы, помочь Ричарду Тревлину было уже нельзя, хотя он и прожил еще несколько часов. Заговорил он всего один раз.

— Алиса придет со мной проститься? — едва слышно спросил умирающий.

— Приведите леди Тревлин, если она в состоянии идти, — велел доктор.

Эстер поспешила к госпоже и нашла ее в постели. Казалось, с тех пор как леди Тревлин оставили, она ни разу не шевельнулась и лежала, словно статуя, высеченная из камня. Когда ей сообщили о несчастье с мужем, леди Тревлин твердо отвечала: «Скажите ему, что я не приду» и отвернулась к стене. Ее лицо хранило такое выражение, что Эстер не посмела сказать более ни слова. Ответ госпожи она передала доктору шепотом, но сэр Ричард все-таки расслышал — и умер с отчаянной мольбой о прощении.

Зарю сэр Ричард встретил в саване, а его маленькая дочь — в колыбели. Жена не оплакивала мужа, мать не радовалась младенцу — та самая жена и та самая мать, которая всего двенадцать часов назад называла себя счастливейшей женщиной в Англии. Слуги думали, что заодно с хозяином потеряют и хозяйку. Ей вручили запечатанный конверт, на котором значилось ее имя, оставленный сэром Ричардом. Леди Тревлин прочла письмо, спрятала у себя на груди и, очнувшись от транса, что произвел в ней такую критическую перемену, вдруг со страстью воззвала к домашним, чтобы непременно, непременно спасли ей жизнь. Двое суток она балансировала на краю могилы; позднее доктора утверждали, что спаслась леди Тревлин исключительно благодаря собственной воле к жизни. На третьи сутки кризис чудесным образом миновал, некая цель словно придавала леди Тревлин сил, которых не могло быть после такой болезни.

Наступил вечер. Все в доме затихло, ибо печальные приготовления к похоронам сэра Ричарда были завершены, и сам он проводил под родной крышей последнюю ночь. Эстер сидела у постели своей госпожи. Тихину нарушала только колыбельная, которую в детской, смежной с хозяйской спальней, пела маленькой

сиротке нянюшка. Леди Тревлин спала; внезапно она отдернула полог и резко спросила:

— Где его положили?

— В главной зале, миледи, — отвечала Эстер.

Лихорадочный румянец вспыхнул на щеках госпожи, а глаза недобро сверкнули. Встревожило горничную и нехарактерное для леди Тревлин холодное самообладание.

— Помогите мне, я должна его видеть.

— Даже не думайте, миледи, это убьет вас... — начала Эстер.

Алиса Тревлин не слушала. Бледность ее лица была почти потусторонней — и горничная повиновалась. Закутав исхудавшую хозяйку в теплый плащ, Эстер чуть ли не на руках снесла ее по лестнице и оставила на пороге залы.

— Я войду одна. Ничего не бойся, жди меня здесь, — велела госпожа и закрыла за собою дверь.

Она вышла менее чем через пять минут; ни следа скорби не было в ее застывшем лице.

— Теперь проводи меня в спальню и принеси шкатулку с драгоценностями, — сказала леди Тревлин, почти упавши на руки верной горничной и испуская вздох, от которого у Эстер, воскликнувшей было «Слава богу!», содрогнулось сердце.

Уже находясь в постели и держа шкатулку, леди Тревлин сняла с шеи медальон, извлекла из золотой оправы миниатюру на слоновой кости — овальный портрет сэра Ричарда, с которым никогда не расставалась, спрятала портрет в шкатулку, а пустой медальон снова надела на шею, после чего велела горничной передать драгоценности семейному нотариусу по фамилии Уотсон, дабы он хранил их до совершеннолетия ее дочери.

— Господь с вами, миледи, вы еще сами их не раз наденете! Грех вам, молоденькой, всю жизнь скорбеть

по супругу, даже и такому благородному, как хозяин, да упокоится он с миром. Утешьтесь, миледи, взбодритесь — если не ради себя, так хоть ради вашей дочки.

— Нет, я эти вещи никогда не стану носить, — отвечала леди Тревлин и задернула полог, как бы отменяя всякую надежду.

Сэр Ричард был погребен. О причинах его внезапной смерти гадали в округе еще девять дней, а потом сплетники переключились на собственные дела и заботы о хлебе насущном, ибо единственная особа, которая могла бы пролить свет на загадочные обстоятельства, находилась в состоянии, не допускавшем даже туманных отсылок к трагическому дню. Целый год опасались за рассудок леди Тревлин. Продолжительная лихорадка ослабила ее душевно и телесно, надежды на выздоровление почти не было, и леди Тревлин проводила свои дни ко всему безучастная, вызывая всеобщую жалость. Казалось, она забыла все, в том числе и потрясение, что дало толчок ее недугу. Не оживлялась леди Тревлин даже при виде дочери.

Месяц шел за месяцем, понемногу восстанавливалось только хрупкое тело леди Тревлин, а на разум течение времени, похоже, не влияло. Никто так и не выяснил, что за человек приходил к сэру Ричарду, какую цель имел и почему больше не появлялся. Осталось тайной и содержание письма сэра Ричарда, ибо леди Тревлин его уничтожила, а говорить о нем отказывалась. Доктора констатировали, что сэр Ричард скончался от сердечной болезни, хотя, если бы не потрясение, мог бы прожить еще много лет. Родственников у сэра Ричарда было мало, и никто из них не начал расследования. Друзья скоро позабыли молодую вдову, и над Лиллиан, наследницей рода Тревлинов, с первых дней тяготела тень зловещей тайны.

Глава II

ПОЛ

— Идем, дитя, уже выпала роса, нам пора домой.

— Нет, мама еще прогуливается, значит, мне можно сбегать к речке.

И Лиллиан, своенравная и на диво обаятельная, исчезла среди высоких папоротников, где косули устраивали себе лежбища и прятались кролики. Горничная неохотно последовала за девочкой. Двенадцать лет назад она приняла на руки свою маленькую госпожу и с тех пор ничуть не изменилась. Зато Лиллиан, едва подросла, стала буквально веревки вить из преданной горничной.

Эстер сделала всего пару шагов, когда Лиллиан выскочила из зарослей и бросилась к ней, крича:

— Скорее, Эстер! Там мертвец! Я боюсь!

— Глупости, дитя. Наверняка вы наткнулись на спящего лесничего или бродягу, которому совершенно нечего делать в здешнем лесу. Держите крепче меня за руку и пойдемте поглядим, кого вы нашли.

Несколько успокоившись, Лиллиан взяла Эстер за руку и повлекла к старому дубу — одному из тех, что росли поодаль от тропы. Там, полускрытый папоротниками, лежал юноша лет шестнадцати — стройный, смуглый, кудрявый брюнет. Брови у него были темные, ресницы густые, рот упрямый, а сила и гордость, которыми дышал весь его облик, делали взрослее мальчишеское лицо и облагораживали бедность — ибо юноша был беден, о чем говорили и пыльное, заношенное платье, и стоптанные башмаки, и жалкий узелок, подложенный под голову. Юноша спал крепким сном — так спят люди, уставшие до крайности, — и не шелохнулся, когда Эстер раздвинула папоротники и взгляделась в его лицо.

— Он живехонек, дитя мое, просто спит. Небось, целый день шагал, вот и умаялся, беденький.

— Жив! Вот хорошо! Пусть проснется! Он красивый, правда, Эстер? Только взгляни на его руки! А волосы? Вьются даже еще сильнее, чем у меня! Разбуди его, Эстер! — распорядилась маленькая леди, поскольку любопытство вытеснило страх из ее сердца.

— Тише, он шевельнулся! Хотела бы я знать, как он сюда проник, а главное — зачем, — прошептала Эстер.

— Вот я его и спрошу, — заявила Лиллиан.

И прежде, чем Эстер успела остановить ее, девочка наклонила лист папоротника и прошла его кончиком по смуглому чернобровому лицу, весело смеясь. Юноша проснулся от ее смеха, но продолжал лежать неподвижно, глядя в прелестное личико и словно продолжая грезить.

— *Bella cara!*, — произнес он мелодичным голосом.

Девочка отпрянула — настолько выразительны были огромные яркие глаза юноши. Тогда он пробудился окончательно, вскочил на ноги и окинул Эстер быстрым пытливым взглядом. Нечто в его лице и повадках заставило горничную заговорить с куда меньшей суровостью, нежели она намеревалась:

— Ты явился к кому-то из обитателей Холла?

— Да. Дома ли леди Тревлин? — в свою очередь спросил юноша.

Он стоял перед Эстер, сжимая шапку в руке, и улыбка уже не играла на его губах.

— Леди Тревлин дома, но тебе следует обратиться к Парксу, если только твое дело не является срочным и важным. Мы не докучаем миледи всякими пустяками.

— У меня письмо к леди Тревлин от полковника Дейвентри. А поскольку это отнюдь не пустяк, я бы предпочел передать его лично.

Эстер несколько опешила, зато Лиллиан воскликнула:

— Мама где-то здесь, идем скорее!

---

¹ Красавица (*итал.*). — Здесь и далее прим. пер.